

Андрей Демкин

Барсуковые истории

Однажды вечером, я сидел на крыльце своего дома, того самого, что на пригорке за лесом, и смотрел, как большой малиновый диск солнца прячется за край земли, который, без сомнения, находился за дальним лугом, покрытым ковылем. Закатные лучи окрашивали все окрестности чудесным розоватым светом. Эта волшебная краска покрывала все: и пушистые облака, и гладь озера, и ствол старого дуба, росшего в моем саду, и чашку костяного фарфора с чаем, которая терпеливо дожидалась, когда чудесный напиток на лесном меду остынет и его вкус можно будет распробовать, ни на что не отвлекаясь.

Когда солнечный диск уже скрылся наполовину, из леса за домом вышел барсук и направился прямо ко мне на крыльцо. Он вскарабкался по ступеням и уселся рядом со мной смотреть на закат. Мы внимательно следили, как солнце по кусочкам скрывается в далекой траве. Когда последний луч утонул в лугу, барсук повернулся ко мне и спросил, не слышал ли я про барсуковые истории. Я, как вежливый хозяин, предложил ему отведать медового чая в блюдечке и приготовился слушать.

Черные и белые полоски.

Солнце вставало еще три раза и успело сесть только два, когда Барсук вновь появился у меня на деревянной веранде. На этот раз он принес мне в подарок немного черничного варенья в берестяном туесочке.

Я разлил медовый чай по блюдечкам, и выложил черничный джем в хрустальные розеточки. Барсук втянул черным носом аромат чая, потом принялся к запаху черники и прихрюкнул от удовольствия.

- Что же, - сказал я ему. – Похоже, твои черные полосы закончилась?

Барсук вдруг вскочил, и стремительно, насколько ему позволяли короткие лапки, засеменил к пруду. Там, он долго вертелся у воды, напряженно вглядываясь вглубь пруда. Потом вернулся, медленно и степенно поднялся по ступеням, скользнул на подушки кресла и с удовольствием отхлебнул чая. Поставив блюдце на стол, он с укоризной посмотрел на меня:

- Скажи, пожалуйста, какую цель ты преследовал, когда сказал, что мои черные полосы закончились? Ты просто хотел меня разыграть?

Я вдруг понял, что сморозил ужасающую глупость: ведь лесным зверькам не очень легко даются абстрактные образы, и барсук подумал, что что-то случилось с его черными полосками на морде:

- Прости меня, мой лесной друг, - Сказал я ему. – Я вовсе не хотел тебя разыграть или испугать, я и представить себе не мог, что ты подумаешь о своих полосках на мордочке.

- А о чем ты думал, что я подумаю? – спросил удивленный Барсук.

- Ну, мы – люди, говорим о черных полосах, когда что-то плохо. И о белых, когда все хорошо. Вот я и подумал, что твоя черная полоса закончилась – я имею в виду твою печаль по поводу смерти твоего друга. И началась белая полоса.

- Странно – сказал Барсук, - а кто тебе сказал, что жизнь должна чередоваться в черную и белую полоску?

- Как кто? Видимо, Создатель, так устроил мир, что белые и черные полосы чередуются. Как на зебре, на твоей мордочке, или... на хвосте у енота.

Барсук вдруг вновь подскочил с места, обежал вокруг кресла и вновь быстро шмыгнул на подушки.

- Ты видел? – спросил он меня.

- Что я должен был видеть? – переспросил я. – Я видел бегущего вокруг кресла длинного серого барсука с полосками на мордочке.

- Ага! – обрадовался Барсук. – Скажи, а что делали полоски, когда я бежал?

- Как что, они... они двигались вместе с тобой, параллельно твоему курсу.

- Правильно! – радостно захрюкал Барсук. – Вот он ответ! Они двигались вместе со мной. Параллельно. Но путь мой они не пересекали. Я понял, о чем ты говоришь! Много-много лет назад в лесу объявился один енот. Он долго и убедительно рассказывал своим собратьям, что их поперечные полоски на хвосте и очки на мордочке символизируют, как ты говоришь, черные и белые полосы в их жизни. И, раз Создатель сотворил их с полосами, то и жизнь их будет в полоску – то в черную, то в белую. И стоит пройти белую полосу, как покажется черная, и наоборот. В доказательство своей теории он предлагал смотреть на собственный хвост. Черное- белое, черное-белое. И многие еноты в это поверили. И страшно расстроились, так что даже стали мыть в ручье добычу перед едой. И действительно – стоило еноту выйти и пойти вперед, как он видел поперечные полоски хвоста своего соплеменника, а стоило ему посмотреть назад, как он видел свой

собственный хвост. И тут же ему вспоминались слова енота-проповедника. И вместо того чтобы просто жить, еноты стали следить за тем, какой полоски сейчас наступила очередь. Если ты взглянешь на их невеселые енотовые мордочки, то поймешь, насколько им мешает эта легенда, придуманная одним енотом.

- Но, ведь и у вас, барсуков – есть черные и белые полосы?

- Да этот енот заходил и к нам, пытаясь рассказать, свое учение о полосках. Но вот беда, оказалось, что нам, барсукам, не подходит енотовое учение.

- Почему же?

- Дело в том, что полосы не мешают нам не двигаться вперед, не отступать назад. Они существуют параллельно нам, не пересекая ни наши мордочки, ни нашу жизнь. Мы знаем, что они существуют, и даже нарисованы на наших мордочках, но это совсем не означает, что в нашей барсуковой жизни существуют черные и белые полосы. Мы просто движемся вдоль них, и принимаем жизнь, такой как она есть, тем более, что на самом деле – она как наша шкурка – серая, и ее невозможно окрасить в черный или белый цвет.

Я задумался над ответом Барсука, и пока тот вылизывал розеточку с черничным варением, побежал к пруду смотреть, нет ли черных и белых полосок у меня на лице.

Я даже забыл, что в доме стоит старинное серебряное зеркало в дубовой раме, в которое было бы посмотреться гораздо проще.

Молчание.

Я не помню точно, что случилось в тот день. То ли так и не дождался важного для меня телефонного звонка, то ли – наоборот – получил вовсе неожиданное и неприятное письмо, но так или иначе день был испорчен. Вы, конечно, знаете, как это бывает: сознание суживает поле зрения из огромной панорамы до маленького дверного глазка, в который вы все время видите только мучающий вас своей неприятностью предмет. Так было и в тот раз. Грязно-желтый конверт с красными печатными буквами заслонил собой весь мир. Я то ходил вокруг стола, где лежало письмо, то пытался уйти в спальню, что бы растянуться на перине и забыться. Но, уже через минуты три снова вскакивал и шел смотреть на злосчастный конверт, словно надеясь, что внутри не окажется того письма, что так встревожило меня. Поняв, что ни уснуть, ни даже полежать не удастся, я решил пройтись вокруг дома. Вероятно, в тот день была хорошая погода, и солнце светило достаточно ярко, и цветы благоухали как всегда, но я, вышагивая по мощеной дорожке, видел перед собой лишь грязно-желтый свет и ощущал лишь запах бумаги и почтового клея, который, как говорила моя тетушка, варят из костей старых кобыл.

После прогулки стало немного лучше: видимо тот адреналин, что готовил меня к бою с незримым и далеким противником, приславшим мне свое пренеприятное письмо, немного

израсходовался на ходьбу. Однако, после я совершил непростительную ошибку: желая отвлечь себя, я сварил себе кофе, взял недокурную черешневую сигару и, чтобы вкусить свои небольшие радости, устроился в своем любимом кресле на открытой веранде. Боже! Каким отвратным показался мне кофе. Вместо чуть шоколадного оттенка стрекочущего нос кофейного аромата – я ощутил вкус жженой и вареной почтовой бумаги. Сигару я раскуривать уже не стал. Нет сомнений, что вместо черешневого аромата, мне представился бы запах сургуча!

Кофе был вылит на клумбу, а сигара раскатана пальцами на листочки и отправлена в качестве мульчи вслед за кофе.

В изнеможении я рухнул в кресло. Голову стянул если не железный, то уж точно деревянный хомут, мышцы шеи одеревенели, плечи сжались и, в конце концов, я почти принял позу, в которой безмятежно покоился еще до своего рождения лет так сорок назад. Эта небольшая и весьма приятная ассоциация позволила мне чуть-чуть расслабиться, и я закрыл глаза. Дыхание мое из быстрого и поверхностного стало размеренным и глубоким. Я немного последил своим внутренним взором за вдохом и, в особенности, за выдохом, представляя, как выдыхаемый воздух, тонкой лентой проходя между моими чуть разомкнутыми губами, не улетучивается под кровлю, а теплым шарфом вьется по спирали вокруг моих ног, и, с каждым выдохом, поднимается все выше и выше, в конце концов, увивая теплым коконом все мое скрюченное в глубоком кресле тело. Последнее что я помню, это теплая волна, качающая мою голову как на надувной подушке в детстве и мои глаза, закатывающиеся куда-то вверх, словно я пытался посмотреть, что там наверху за мной.

Когда я очнулся... А я не могу сказать, что я проснулся – именно очнулся, потому что пробуждение произошло разом, как по щелчку пальцами, и, кроме того, я не помнил, что мне что то снилось. Казалось, что я только что присел закрыть глаза – и раз, щелчок пальцами – и я снова здесь.

Однако, было как минимум три факта, которые тут же меня убедили, что я не прав. Во-первых, солнце было уже не в зените, а катилось по своей накатанной дорожке за далеким ковыльным лугом за свой косогор, отчего и мой дуб, и столбы на веранде, и подушки на кресле окрасились изумительным вечерним оранжево-золотистым светом, который бывает в наших местах только в августе.

Во-вторых, я не чувствовал ни боли, ни досады, ни напряжения. Тело мое было расслаблено: и плечи, и ноги, и шея. Более того, я ощущал в теле непривычную легкость. Такую легкость, которую вы без сомнения ощущали в глубоком детстве, когда наигравшись, падали спать прямо на руки матери. А она несла вас в кроватку на руках, а вы, сквозь уже начавшийся сон уже ощущали сладостную истому отдыха, которая и подхватывала вас вновь на следующий день - на воздушной волне желанного освежающего утреннего пробуждения.

И в-третьих, рядом со мной, на широких струганных досках веранды сидел Барсук. Он сидел, опершись спиной на ножку стола, расставив задние лапы и сложив передние у себя на весьма округлом пушистом животике. Я не двигался, чтобы не дать ему понять, что я

уже проснулся. Барсук спокойно сидел рядом, наблюдая, как длинные тени от ствола и ветвей передвигаются по двору, словно убегая от садившегося солнца. Я наблюдал за Барсуком, решительно не зная, стоит ли давать ему понять, что я уже не сплю.

Но где мне соревноваться в наблюдательности с ночным лесным зверем! Уловив краем глаза краешек движения на кресле, Барсук повернулся и посмотрел на меня. Он смотрел на меня долго и внимательно. Я смотрел на него, пытаюсь понять, как мне себя вести. Стоит ли мне заговорить с ним? Хотя бы поздороваться? Но Барсук молчал, смотря на меня. Еще мгновение, и он вновь перевел взгляд на багрянцевый горизонт, с сине холодной тенью быстро ползущей к нам от вершины ближайшего холма.

Внезапно, я отчетливо ощутил, что говорить сейчас не стоит. Мне было очень хорошо и спокойно. Я испугался, что любой неверно произнесенный звук в один момент разрушит эту прекрасную картину: и золотистый исчезающий свет, и шелест листьев дуба, и тихое посапывание Барсука, и густой вечерний аромат душистого горошка и флоксов.

Когда солнце село, я закрыл глаза, удерживая чудесную картину перед глазами. Удивительно, но по всему телу стало разливаться тяжелое густое и очень приятное тепло. Я поддался ему и вновь почувствовал, как волны сна стали накатывать на меня, накрывая с головой. Из последних усилия и приоткрыл один глаз, чтобы посмотреть на Барсука. Он все так же сидел, смотря на угасающую ленту отражения заката на небе. Я прикрыл глаз. Дыхание мое стало глубже. Еще три–четыре глубоких медленных вдоха, и я вновь стал соскальзывать с кресла на перину сна.

Когда тела своего я уже почти не чувствовал, и лишь кожа еще сохраняла остатки чувствительности, я почувствовал, как кто-то накрыл меня плотным шерстяным пледом и старательно подоткнул края. Лишь мои ноги в домашних тапочках торчали наружу из-под пледа, и еще могли ощутить надвигающуюся прохладу ночи. Но, через мгновение кто-то тяжелый, мягкий и теплый улегся на мои ноги, и для последнего повода для беспокойства не осталось ни места, ни повода. И я спокойно провалился в сиреневую гущу сна.

Барсук и волшебная поляна.

С утра, когда я проснулся, Барсука уже не было. Но ноги мои были теплыми – видно он ушел совсем недавно. Свежий воздух и ночные ароматы при отсутствии комаров и вообще мошек (а в наших местах, надо сказать, ее совсем не бывает – видимо виноват в этом свежий океанский ветер, сдувающий мелких мошек прочь) сделали свое дело и голова была ясной и свежей, как покатый полупрозрачный морской камешек, только что вытащенный из воды.

Еще до завтрака, мне неожиданно пришло в голову как следует ответить на письмо, отравившее мне вчерашний день. Не откладывая дела под сукно, я встал у своего бюро и размашистым почерком написал свой ответ. Запечатал письмо, лизнув клеевую полоску

(бедные старые кобылы!) и надписал адрес. Теперь моя душа была совсем спокойна. Я сделал все что мог – пусть теперь Они беспокоятся!

После завтрака, на которой мне досталось одно яйцо всмятку, тост с апельсиновым джемом и кусочек жареного бекона, я сел на старый скрипучий велосипед и поехал к почтовому отделению, что находилось в ближайшем городке на берегу. Педали уныло, но так очаровательно скрипели, прищепка на брючине, то и дело задевала за раму, но я был очень доволен этим старомодным велосипедом – ведь на нем катался еще мой дедушка. Пухлые данлоповские шины оставляли длинный змеистый след на песке. Интересно, если бы на Землю прилетели инопланетяне и, не застав никого, увидели бы только следы – каким бы диковинным зверем они бы представили мой велосипед?

Я выкатил за ворота, которые, по правде говоря, были лишь небольшими столбиками из известняка. Я стал усиленно крутить педали, чтобы с разгону забраться на холм, за которым, еще после двух или трех поворотов (никак не могу запомнить!) и одного старого деревянного мостика покажется шоссе, которое приведет меня на побережье. До верха холма я так и не доехал – видно, что глубокий ночной отдых еще не до конца отпустил меня, и, в конце концов, я слез с велосипеда, и тяжело дыша, повел его рядом с собой, держа обеими руками за руль. По счастью, была еще только весна, и солнце палило не так уж и сильно, как могло бы месяц спустя. Легкий ветерок играл метелочками ковыля и лепестками ишольции – этого прекрасного небольшого дикого рыжего мака. С вершины холма открывался изумительный вид. Конечно, не на мой старый дом. А туда, вниз, где за лесочком, виднелись скалы, поросшие одинокими соснами, которые отсюда казались не толще шведской спички. А за скалами – брезжила туманная полоска океана.

Каждый раз, когда я оказываюсь на вершине, я останавливаюсь и подолгу смотрю вдаль. Когда смотришь туда – ты не видишь людей, и значит все заботы, которые у нас обычно связаны с родом людским – пропадают, так как ты видишь, насколько незначительны люди – хотя бы по сравнению с той далекой Волчьей скалой.

- Тебе нравится? – знакомый, слегка прихрюкивающий голосок застал меня врасплох. Я обернулся. На примятой траве, закинув одну короткую лапку за другую и, понюхивая своим полированным черным кожаным носом сорванный цветок ишольции, лежал Барсук.

- Что ты здесь делаешь? – Удивился я. – Барсуки ночные звери, и днем обычно спят.

- Ну, я пропустил прошлую ночь – мне пришлось переночевать у одного моего приятеля – ты, я думаю, с ним знаком... - прихрюкнул Барсук. – Вот, потому, мне и не хочется спать. А здесь днем чудесный вид. Надо сказать, утренний солнечный свет, весьма чист и прозрачен, и дивно высвечивает дали. Почти как на моей волшебной поляне.

- На твоей волшебной поляне? – Переспросил я.

- Да, на моей волшебной поляне. Что же тут удивительного? У каждого порядочного взрослого барсука есть своя волшебная поляна.

- Для чего барсукам волшебные поляны? Вы выращиваете на них волшебные корни?

Барсук снова довольно прихрюкнул. Ему нравилось, что небольшая интрига удалась, и захватила внимание благодарного слушателя:

- Мы ничего не выращиваем на своих волшебных полянах, мы только любим ими, наслаждаемся их дивными пейзажами и пользуемся их волшебными силами, которые позволяют нам снимать стресс и напряжение.

- Стресс и напряжение? Неужели у вас – пушистых милых лесных зверей тоже бывают стрессы? Как то мне совсем в это не верится... Ваши пушистые полосатые мордочки все время спокойны и умиротворены!

- И это именно потому, что у каждого барсука есть такая волшебная поляна. Именно поэтому, ты никогда не увидишь обозленного или агрессивного барсука. Разве, только если свора фокстерьеров или этих глупых длинных зубастых сосисок на ножках пытаются пролезть в твою нору. Но, это, по счастью, случается не так часто в наших краях. По правде говоря, я вообще не помню, чтобы это у нас случилось.

- Еще бы, - ухмыльнулся я – ведь вы живете в заповеднике, где всякая охота запрещена. Но, послушай - я знаю, что вас – барсуков - достаточно много. Как же на всех вас хватает волшебных полян в округе?

- Да хватает, и представь, что ни один барсук не может проникнуть на чужую поляну. Более того, ни один барсук даже не знает, где находятся волшебные поляны других барсуков.

Барсук, наконец, повернул свою полосатую мордочку ко мне. Отражения облаков проплывали в его выпуклых черных глазках. Он повертел носом, отложил в сторону ишольцию и сказал:

- Да.

- Что значит да? – удивился я.

- “Да” – это ответ на твой вопрос. Да, я могу показать тебе свою волшебную поляну. – Барсук высунул свой розовый язычок, и, чтобы я не подумал, что он меня дразнит, неспешно с удовольствием облизал свой нос.

- Ты можешь взять меня на свою поляну? Это было бы замечательно! – воскликнул я.

Я тут же приладил свою куртку на багажник и прижал ее пружиной.

- Смотри, - сказал я Барсуку – ты можешь сесть на багажник, и на велосипеде мы быстрее доберемся до места.

Из травы послышалось длинное сдавленное хрюканье. Я взглянул на Барсука. Его черные глазки искрились от удовольствия:

- Спасибо за приглашение. Только... нам не нужно никуда ехать. Нам не нужно даже никуда идти. И, если, ты положишь свой быстрый велосипед и устроишься на траве рядом со мной, то я покажу тебе гораздо более быстрый путь к моей волшебной поляне.

Я был окончательно сбит с толку.

- То есть, ты хочешь сказать мне, что лежа на траве, мы доберемся до пункта назначения гораздо быстрее, чем пешком и, даже, чем на этом замечательном велосипеде?

- Конечно. Но, чтобы не обижать твой велосипед – мы, безусловно, им сможем воспользоваться на обратном пути – ты сможешь довести меня до моего леска. Когда мы вернемся из путешествия.

- Так что же мне делать? – я окончательно запутался.

- Положи велосипед на землю, так чтобы он не мешал никому. Возьми свою куртку и положи на траву рядом со мной. Устраивайся поудобнее. И я возьму тебя с собой.

Я сделал все так, как велел Барсук и удобно устроился рядом с ним на траве. Под голову я положил свою мягкую шляпу.

- Теперь, закрой глаза – сказал Барсук – и следуй за мной, точнее, за моим голосом. Он будет звучать у тебя в ушах всегда, перекрывая дуновение ветра, пение птиц, стрекотание цикад. Чтобы не случилось, ты всегда будешь его слышать и делать то, что он тебе говорит.

- А что мне делать, если я, вдруг заблужусь? Или зайду в такую чащу, где твой голос будет теряться в глухом эхе старых дубовых стволов и мшистых камней?

- Я всегда буду рядом с тобой, даже, если ты вдруг потеряешь меня. Если это произойдет, то я просто возьму тебя двумя коготками за мизинчик – вот так. – Барсук аккуратно взял мою руку своей когтистой лапой и ухватил мой мизинец. – И выведу тебя из любой, даже самой страшной и глухой чащи.

Барсук отпустил мою руку.

- А сейчас, просто почувствуй, как ты лежишь на теплой и ласковой весенней траве. Устройся поудобнее, чтобы ничто не мешало тебе. Пусть каждая мышца твоего тела займет самое удобное для себя положение.

Я пошевелил плечами, вытянул по шелковой скользящей подкладке руки, разбросал ноги, так, чтобы они лежали совершенно свободно.

- Ощути тепло земли, согревающее тебя снизу, и ощути тепло солнца греющее тебя сверху – Продолжал Барсук. – Ощути нежный ветерок со сладким запахом луговых трав. Этот ветерок сдует с твоего лба остатки напряжения. Еще несколько дуновений – и ты, возможно, заметишь, как лоб твой разглаживается, а брови чуть взлетают вверх, словно ветерок гонит их как маленькие парусные лодочки. Веки твои все также закрыты, а глаза... сейчас или чуть позже, ты обратишь внимание, что глаза твои начинают потихоньку закатываться вверх, словно они точно знают, что дорога в волшебные поляны лежит там – немного повыше и глубже надбровных дуг – там - в таинственной темноте. Возможно, вскоре ты заметишь, что где-то в твоём теле появится сладкая тяжелая истома. Помнишь – как в детстве, когда ты играл, и вдруг, у тебя появилось непреодолимое желание уснуть, и мать взяла тебя на руки и понесла тебя в теплую уютную и безопасную постель, а сквозь одежду ты чувствовал тепло ее рук.

Голос Барсука звучал совсем не громко, но я отчетливо слышал, как и что он мне говорил. Не было желания думать о чем-нибудь другом. Мысли мои, если и соскальзывали в сторону, то тут же возвращались обратно к его голосу, который начал открывать мне не совсем привычный путь для дальних волшебных путешествий. Дыхание мое стало более глубоким. Грудь вздымалась выше, насыщая мое тело живительным свежим весенним воздухом. Медовое разнотравье обволакивало меня, и потихоньку начинало укачивать, следуя спокойному ритму голоса Барсука. Вскоре я обнаружил, что уже не вслушиваюсь, в то, что он мне говорит, а тело мое и сознание послушно следует за его голосом. И, даже случалось так, что Барсук только начинал говорить, а я уже ощущал то, о чем он сейчас скажет. Это были восхитительные моменты. Я качался на мягких волнах, и, казалось, земля легонько покачивается вместе со мной. Не было никакого желания открывать глаза. Однако, перед глазами моими начала предстать новая картина, еще более живая, чем можно было бы увидеть наяву.

Неожиданно, я увидел себя со стороны – как бы немного сверху, лежащим с закрытыми глазами среди цветущих трав на вершине холма. Рядом со мной лежал, открыв небу свое серо-белое брюшко, большой Барсук, и, закрыв глаза, что-то увлеченно рассказывал. Я уже не слышал, что он говорил мне. Но, вдруг, понял, что могу летать. При этом, мне не нужно было делать никаких усилий. Ну, разве что немного напрячь что-то внутри головы – там, у самой макушки. Влево, вправо, вверх, вниз. Я с радостью спикировал вниз и заложил крутой вираж над собственным телом. Барсук приоткрыл один глаз и посмотрел на меня:

- Ну, и кому я все это рассказываю? Так ты уже здесь? Быстро научился. Ну и молодец. В таком случае, ты уже готов – полетели!

Я с изумлением увидел, что Барсук совершенно спокойно отделился от собственной пушистой тушки и воспарил над ней. Передо мной было теперь два Барсука. Один лежал на земле рядом с моим телом и умиротворенно посапывал, а другой – другой взял меня за руку и, в мгновение ока, мы оказались над Волчьим мысом. Мы пронеслись над самым прибоем, так, что разбивающиеся о скалы волны, окатывали нас мириадами брызг. Что за

удивительный запах у океанской воды! Мы пронесли над низкорослыми соснами, над порослями камнеломок и мхов, распугав чаек.

- Туда! – Барсук вытянул лапу, и указал на остров, находящийся в миле от берега.

Возможно, я не видел этого острова раньше, но, паря в воздухе над океаном, держась за лапу серого лесного зверя, не очень задумываешься о таких мелочах, как внезапно появившейся в океане остров.

Мы приблизились к островку. С одной стороны, обращенной к берегу, он был достаточно каменист. Волны на мгновения ока обнажали камни, скрытые водой. Было видно, что часть из них совсем мала, настолько мала, что лишь призрачный след выдавал их присутствие под водой. Там были и камни побольше, обнажавшие свои вершины под отступавшей волной. Часть из них была обточена волнами до приятных округлых форм. Другие же, видимо, недавно отколовшиеся от побережной скалы, были еще остры и могли представлять опасность для зазевавшегося пловца.

Барсук, потянул меня на другую сторону острова. Здесь, напротив, мягкие лазурные волны, накатывали на белый песок небольшой и очень уютной лагуны. На воде покачивалась небольшая, но очень красивая и стремительная в своих обводах лодка со свернутым парусом. Вода под ней была настолько прозрачной, что казалось, лодка висит в воздухе, или в крайнем случае, в голубоватой дымке над белым песком пляжа. Сверху мы смогли разглядеть, что лодка достаточно просторна, и в ней приготовлено все для небольшого путешествия. Бочонки с водой и вином, весла и снасти, уютная полотняная палатка и многое другое. Я думал, что Барсук усадит меня в лодку, однако, он лишь потянул меня вглубь острова, и ветер засвистел у меня в ушах.

Мы промчались над прибрежными рощами, и поднялись вверх – к вершине небольшого холма, который что-то мне напомнил. Еще мгновение и мы оказались чуть ниже – в светлой роще с удивительно мягким мшистым ковром между деревьями.

- Вот, - сказал Барсук – это моя волшебная поляна. Ты можешь чувствовать себя здесь совершенно свободно. Здесь нет никого, кроме тебя и меня. И никто не появится, пока, я, - он подмигнул мне – ты уж извини, это ведь моя волшебная поляна – не попрошу об этом.

Я огляделся.

- Извини, - сказал я Барсуку, - но эта замечательная роща, все же не очень похожа на поляну. Здесь столько деревьев.

- Правда? – удивился Барсук, - а я всегда думал, что это поляна. – Он прихрюкнул. - Не хочешь попробовать представить себе, какая здесь должна была бы быть полянка. Такая, как если бы ты устраивал ее для себя?

- Поляна, для себя? – я задумался, стараясь вызвать в памяти милые сердцу детские образы безмятежности. Я увидел себя на полянке за старым бабушкиным забором из посеревших на дожде и солнце нестроганных досок, где можно было лежать на траве, подле гигантского куста красного шиповника, и наблюдать, как шмели в меховых шубках перелетают, жужжа с цветка на цветок.

В то же мгновение роща пришла в движение. Деревья закружились хороводом, запахло медом и раздалось громкое и тяжелое жужжание. Вращаясь вокруг нас, поляна, почти моментально, стала воплощать мой образ. И, с каждым оборотом, он проступал все яснее и яснее. Штакетник, куст, трава, и, даже шест со скворечником вдалеке.

Барсук поднял свой черный нос, и стал принюхиваться.

- Чем-то пахнет, не правда ли? – его ноздри жадно втягивали воздух.

Действительно, на фоне медового запаха морщинистой розы, появился и еще один запах.

Резкий и неприятный.

Я вспомнил. Это был запах лекарств, которые мне давали после того, как меня укусила пчела.

- Нет, так дело не пойдет. – Сказал Барсук. – Не нужно стараться вспомнить какое-то место из реального мира. Реальный мир всегда связан цепочками событий, и не всегда они могут быть приятными. А твоя волшебная поляна должна быть абсолютно безопасной.

Поляна вновь пришла в движение. Жужжание исчезло. Поляна вновь покрылась мягким светло зеленым мхом.

Абсолютно безопасным...

- Попробуй собрать свою поляну из кусочков самых приятных воспоминаний, или, что еще лучше, из своих внутренних образов. Пусть - даже самых фантастических.

Я вновь задумался. Может быть сны? В них ты порой встречаешь самые фантастические пейзажи. Я закрыл глаза.

Вначале я представил себе свет. Ровный и мягкий. Свет ниоткуда. Свет отовсюду.

Золотисто белый. Яркий ровно настолько, чтобы не слепить глаза.

Я услышал, как Барсук довольно хрюкнул. Ему понравилось начало. Можно открыть глаза.

Вышина. Я бы даже не назвал это небом. Это то, что выше, купол. Но – бесконечный купол, небесная сфера.

Водная гладь. Это не море, не океан, не озеро и не река. Просто гладь. Чуть-чуть мерцающая вдаль. Где-то далеко – на полпути к небесной сфере.

Вода - все ближе, и там – шагах в пяти от того места где мы стоим, и переходит в пологий песчаный пляж. Белый песок выступает из-под воды и поднимается вверх с небольшим уклоном. Песок лежит совершенно спокойно. Ветра нет. Есть только движение воздуха. Еле заметное, настолько, чтобы чувствовать себя, словно ты одет в этот воздух. Так нежно облегает он твоё тело, проходя через складки легчайшей светлой одежды.

Стоя на песке, я сделал шаг и не обнаружил своего следа. В тоже время я чувствовал, как упруго сопротивляется песок моей стопе.

Что еще? Трава... Трава. Милое разнотравье полевых цветов – невысоких, аккуратных белых и чуть желтоватых. Цветными пятнышками они разбрызганы по траве, плетя бесконечный ковер, уходящий чуть вверх под пологий склон холма.

Я стал всматриваться вдаль – что там - наверху?

- Хочешь подойти? – спросил меня Барсук.

Я кивнул. И в тоже время мы оказались на вершине пологого холма. Из-под земли показался росток. Он развернул два узорчатых изрезанных листа.

Барсук закивал головой. Я присел, чтобы рассмотреть побег. Я любовался этими замечательными листьями со светловатыми прожилками, тоненькому стебельку. Радовался его настойчивости, упорству в появлении своем на белый свет.

Мне захотелось посмотреть, что будет дальше. Между листочками пробился еще один росток, даже скорее побег – он раскрылся еще двумя листьями. Так, шаг за шагом передо мной вырос замечательный крепкий и небольшой дубок. Я коснулся листа. Чуть жестковатый, упругий, играющий как блесна на течении при дуновении ветра.

Мне захотелось услышать, как шелестят его листья. В то же мгновение подул легкий ветерок. Дуб зашелестел.

Я понял, что мне хотелось бы услышать его шелест в полную силу.

Я отступил на шаг назад. Ствол дерева начал утолщаться. Мощные ветви выстрелили вверх и раскинулись надо мной как множество рук, перехватывающих и поддерживающих друг друга. Дыханье ветра усилилось.

Дуб закачал ветвями, и шелест перерос в песню ветра. Я понял, что мне не хватает еще чего-то. Я посмотрел вдаль – там, на границе неба и далекого леса, появилась темно синяя полоса туч. Внезапно, ярким контрастом поверх них ударила молния. Потом еще и еще одна. Вскоре – горизонт над землею был охвачен пылающими вспышками. Грома мы не

могли слышать – так далеко все происходило от нас. Молнии плясали на горизонте. Дуб шумел на ветру.

Совершенно внезапно, повинувшись внутреннему порыву, который не захотелось сдерживать, я подошел к дереву и, широко раскинув руки, насколько был способен, обнял его за ствол. Щекой я крепко прижался к его изрезанной морщинами столетий коре и, вдруг, навзрыд заплакал.

Слезы текли у меня по щекам, я глубоко и прерывисто дышал, глотая время от времени воздух, и плакал. Плакал так, как можно выплакаться на плече своего старинного и сильного друга, для которого высшее счастье – просто молча быть рядом с тобой.

Ветви дуба шелестели надо мной, а я все крепче вжимался в его теплый ствол, перекатывал лбом по коре и смотрел вверх, где, в промежутках между ветвей проносились обрывки облаков, разорванных далеким, и совсем не страшным штормом.

Я закрыл глаза. Это был момент абсолютного счастья. Я понял, что выплакал почти все свои беды, а те, о которых я и не знал, разрядились грозами где-то там – очень далеко. Я стоял в объятиях своего старинного друга. Друга, который знал меня уже много-много сотен лет, и вновь пришел ко мне, чтобы поддержать и защитить меня. Пришел просто так, только потому, что он мой друг.

Я не знаю, сколько еще я простоял в объятиях дуба. Время не было. Ведь это я управлял временем. Или мне казалось, что я им управляю. Тело опустело внутри, но, вскоре стало насыщаться совершенно новыми ощущениями – как будто дуб пульсировал изнутри. И эта бесконечно добрая и бесконечно сильная пульсация заново насыщала мое тело.

Кто-то взял меня за мизинец.
Я открыл глаза.

Мы сидели с Барсуком на вершине холма. Рядом лежал мой велосипед.
Между мной и Барсуком из земли пробивался молодой дубок.

Как Белочка Барсука спать укладывала

Мне не спалось вторую ночь. То ли ветер слишком сильно завывал в трубе камина, то ли я слишком много наслаждался последнее время ароматным гватемальским кофе, то ли мысли как беспокойные белки прыгали перед моими глазами то справа налево, то слева направо... в общем, я лежал под тяжелым стеганым одеялом и все время думал о том, как было бы хорошо заснуть.

- Ты напрасно думаешь, что белки такие беспокойные звери, – услышал я беззвучную фразу, которую произнес кто-то неподалеку. Потом в квадратики лунного света на полу всплыли две продолговатые белые полосы, а уже вслед за ними и серая тень упитанного пушистого тельца Барсука.

- Белки вовсе не такие, как ты о них думаешь, - сказал Барсук, теперь уже вслух. Он присел на задние лапки столбиком, и, увидев, что я приветливо кивнул ему, аккуратно вскарабкался на кровать и устроился у меня в ногах.

- Одна из них научила меня, как надо засыпать, и с тех пор, как ты знаешь, я могу заснуть в любом месте в любое время.

Барсук зевнул, потянулся и, уже было сладко засопел, как вдруг, видимо вспомнив, что он собирался продолжить рассказ, хрюкнул и продолжил:

- Я был тогда еще совсем маленьким Барсучком. А ты знаешь, что все маленькие барсучки боятся спать. Каждому маленькому барсучку кажется, что темная ночь может поглотить его навсегда, а уж если и не поглотит, то наверняка напугает – кто знает, что может случиться ночью, какой зверь может оказаться неподалеку.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Хотя мои братья и сестры, мама и папа спали неподалеку – в своих отнорочках, мне, все же, казалось, что я один на целом свете. Казалось, что существую только я и тьма ночи, которая заполняет собой всю нору, и даже, кажется, заменяет собой весь воздух – ты же знаешь что ночной воздух особенный, налит всеми ароматами, которые неслышны днем, и такой густой, тяжелый и прохладный, что его хочется пить как нектар.

Но пить его мне совсем не хотелось, поэтому я дышал совсем чуть-чуть, стараясь набирать его как можно меньше, из-за чего мне приходилось делать вздохи достаточно часто.

Так бы я и лежал в своих страхах, представляя, что может скрываться за этой плотной густо-синей краской тьмы, как вдруг я почувствовал прикосновение чего-то очень легкого и пушистого. Как будто огромная кисточка прошла по моему телу. Удивительно, но было похоже, что эта кисть смела с меня напряжение и я моментально смог расслабиться, отпустить все свои мышцы, как распускают перед сном натянутые ленты в волосах, и те рассыпаются по подушке, что бы как следует отдохнуть.

- Привет, услышал я, - сказал Барсук и сладко зевнул. – Оказывается ко мне пришла ночная фея снов – лиловая лесная Белка. Днем таких ты не встретишь. Я даже не знаю, откуда они берутся ночью. Честно говоря, я даже не видел, что эта белка лиловая, но я был в этом уверен.

- Привет, - повторила Белка, - маленький Барсучок, пришел твой черед научиться засыпать. Я уже была у твоих братишек и сестричек, и теперь я пришла к тебе. Я научу тебя спать – ты выслушаешь меня всего один раз, но, то, что я скажу тебе, останется с тобой навсегда, на всю твою жизнь, и даже больше. Перед сном, тебе будет достаточно

вспомнить обо мне, и твое тело и душа сами поймут, что надо делать, чтобы сладко уснуть. Никакие мысли, никакие соседи, никакие звуки не смогут отвлечь тебя от самого важного и самого приятного дела на свете – сладкого ночного сна.

Белка еще раз провела по моему телу своим пушистым лиловым хвостом, и я почувствовал, что остатки напряжения растворились во тьме. Словно маленькие мышки – мускулы, еще недавно перебегавшие бугорками под моей шкуркой с места на место, вдруг нашли выход, словно в прогрызенном мешке из-под крупы, и вмиг разбежались, оставив мешок совершенно неподвижно лежать на месте.

Белка провела хвостом вокруг меня.

- Это только твой маленький мир, Барсучок. Он совершенно безопасен, потому что ты – король своего мира, и все здесь подчиняется только тебе. Все переживания дня, все радости и расстройств, все звуки – все осталось за пределами этого круга.

И действительно, ночной сверчок, еще недавно стрекотавший где-то вдали умолк, как и хрум разгребаемой кротом земли где-то еще глубже нашей барсучьей норы.

- Теперь, ты будешь внимательно слушать то, что я буду тебе говорить – продолжила Белка – и каждое мое слово ты будешь повторять внутри себя, и будешь выполнять все, что будет сказано. А потом, когда меня не будет рядом, ты будешь сам говорить себе все, что нужно, и твое тело и твоя душа будут тебя слушаться. Даже если ты и ошибешься в мелочах – ничего страшного, ведь тело и душа умнее тебя самого и сами прекрасно знают, что им надо делать – они просто ждут от тебя разрешения на это.

Я потянулся, и подумал, как это было бы здорово, не думать за свою душу и тело, а лишь разрешить им поступать, так как нужно в данный момент, так чтобы уснуть, да и вообще, в каждый момент жизни – ведь они обладают интуицией, и лучше барсучьего ума знают, что и как следует делать.

- А теперь, - сказала Белка – выпей снотворного ночного воздуха. Ты же чувствуешь, какой он вкусный и тягучий. Если вдыхать его глубоко, то его снотворные силы проникнут в тебя и тебе останется лишь следить, как ты проваливаешься в сон, все глубже и глубже. Вдохни его глубоко, полной грудью, но не торопись выпускать – пусть он напитает тебя изнутри, а потом, ты потихоньку выпусти его через свой нос – и, возможно, ты заметишь, что струйки воздуха, которые ты выпускаешь, переливаются изумрудным светом. Причем, тебе совсем не обязательно открывать глаза, чтобы видеть их. Ты увидишь их и так. А как только ты поймешь, что видишь их или, хотя бы почувствуешь их, то ты уже будешь уверен, что начинаешь глубоко засыпать. С каждым последующим вдохом ты будешь погружаться в свой сладкий сон все глубже и глубже. Возможно, ты ощутишь, как твое тело становится все тяжелее и тяжелее, так, что даже глубже погружается в твою ароматную подстилку из кленовых листьев,

- а ты, человеческий детеныш, - Белка неожиданно повернулась в сторону, словно там был кто-то еще, - возможно ощутишь, что твое одеяло так сладко и приятно облегает твое тело, что ты чувствуешь себя также уютно и защищено, словно находишься там, где был, пока еще не родился.

Я - сказал Барсук – был совершенно зачарован словами Белки, и подумать тогда не мог, кому же она обращалась, но слова ее так мягко и приятно проникали внутрь меня, что тело мое охотно выполняло все ее указания, хотя голос ее звучал уже где-то совсем вдалеке. Она все говорили и говорила, а мысли мои были уже где-то совсем далеко, так далеко, что я уже, пожалуй, и не мог сказать, о чем они были. Дышал я ровно и глубоко, и с каждым вдохом тело мое все больше и больше становилось неощутимым, словно растворялось во тьме ночи. Глаза мои, казалось, обратились совершенно куда-то вглубь меня... и я с трудом удерживал лишь тоненькую полоску внимания где-то совершенно далеко – на невидимом горизонте. Но держать ее было все труднее и труднее и, через какое-то мгновение, она совсем исчезла...

Проснулся я утром, ровно в то самое время, которые было нужно, и чувствовал себя свежим и отдохнувшим, видимо потому что так говорила мне лиловая ночная Белка, когда голос ее удалился, куда то совсем далеко, – сказал Барсук.

Но я уже и сам не был уверен, что слышу Барсука, как и не был уверен, что он вообще приходил ко мне. Неожиданно, мне показалось, что большой пушистый лиловый хвост скользнул по моему лицу, и я провалился туда, в самую глубину сна, чтобы проснуться утром, совершенно готовым к всем нужным и хорошим делам, которые мне предстоит совершить.

Барсук и смерть

В один из вечеров Барсук не пришел. Дважды всходило и один раз зашло солнце, прежде чем он появился вновь на моем крыльце. В этот раз шерстка его была более тусклая, и глаза его глядели немного грустно. Он устало переставлял свои короткие лапки, поднимаясь по деревянным ступеням, и тяжело вздохнул, присев у моих ног. Мы молча смотрели на скрывающийся за лесом малиновый диск светила, и на растворяющиеся в сумраке тени от деревьев. Когда тень ночи скрыла ветвистый вяз на ближнем холме, я запалил керосиновую лампу. Барсук еще раз тяжело вздохнул, и сказал мне:

- Второго дня я потерял друга. Это был старый и мудрый барсук, но его время пришло и мы проводили его в Небесную обитель.
- Наверно, тяжело будет тебе теперь, когда ты знаешь, что никогда больше не встретишь своего друга, – сказал я.

Барсук повернулся ко мне, с удивлением приподнял серую бровь, немного грустно вздохнул и спросил:

- А разве люди не встречаются друг с другом, после того как умирают?

Я удивился:

- Ты имеешь в виду, не являются ли к нам умершие? Я слышал о приведениях, о явлениях призраков, о появлении умерших во снах, но сам никогда не видел их.

- Нет, я не это имею в виду, – ответил Барсук. - Ты говоришь о душах людей, которые только что умерли, и находятся на пути в Небесную обитель или о тех, кому Создатель закрыл туда ворота. Но я говорю о твоих друзьях, которые вновь рождаются на Земле.
- Как это вновь рождаются? – не понял я Барсука. – Человек умирает, и его душа отправляется на небеса, через воздушные мытарства, где бесы и ангелы взвешивают его добрые и злые дела, и решают где душе человека предстоит ждать окончательного страшного суда, когда придет Судия и отправит достойных в Рай, а недостойных – в Ад.
- Я не силен рассуждать о мире людей, потому что не могу знать, что и как происходит – я всего лишь лесной зверь барсук. – Сказал Барсук - Но, про мир барсуков я могу тебе кое-что рассказать.
- Расскажи, - попросил я его, - мне будет чрезвычайно интересно узнать, как устроен загробный мир у вас и сравнить его с нашим.

Барсук вновь удивленно взглянул на меня:

- Во-первых, у барсуков нет гробов, и наш другой мир не называется загробным. А во-вторых, как ты можешь знать как устроен ваш человеческий иной мир, если никогда там не был?

Я смутился. Действительно – как?

- Ну, я слышал рассказы от других людей, которые учат всех, как устроен наш загробный мир.

- А откуда эти люди знают, как устроен загробный мир людей, если они же сами учат вас, что оттуда никто не возвращается, а сидит и ждет Судию?

“Действительно странно” – подумал я, но ответил Барсуку по-другому:

- Эти люди учат нас, что некоторым из них, Великий Судия, явил загробный мир и показал, как страдают грешники, которые делали плохие дела и радуются праведники, которые делали при жизни хорошие дела.

- Странно, ведь только что, ты сказал, что в загробном мире еще никого не судят – все только ожидают Суда – и совершившие плохие поступки и совершившие хорошие. Кроме того, - Барсук выразительно посмотрел на меня, - как я понимаю ждать этого вашего Суда должны не целые души людей, а их половинки, четвертинки, или восьмые части, не так ли?

- Почему же? – удивился я.

- Не знаю, как у вас, у людей, но у нас – барсуков, никто не в силах вычленил из одного целого барсука его плохую или хорошую сторону. Каждый барсучок шкодит и хулиганит, когда бывает маленьким, и каждый барсук совершает ошибки, когда бывает взрослым. Мы – барсуки – точно не могли бы разделить барсучье племя на плохих и хороших. И я даже не знаю, что бы было с нами – барсуками, если бы после смерти с нами происходило то же, что и с вами – людьми. Кроме того, представь, сколько бы сколько бы барсучьих душ скопилось бы в одном месте – в ожидании Суда? Им было бы там тесно... И потом, представь, как тяжело бы было Создателю, каждый раз создавать для нового барсука новую душу, вкладывая в не все особенности, характер, знания и умения заново! Это огромная работа.

Я немного смутился:

- Расскажи, как все происходит у вас – у барсуков. Пожалуйста...

- Что же, я могу это сделать... - промолвил Барсук, - Ведь в отличие от вас – людей, мы – барсуки все помним, что происходит с нами после того, как наша шкурка окончательно изнашивается, зубы стачиваются, а мышцы слабеют настолько, что неплохо было бы обзавестись новым телом.

- Новым телом? – Не понял я. – Как это - новым телом?

- Я же говорю, что у нас барсуков – происходит немного по-другому, чем у вас – у людей. Видно Создатель решил, что он не может тратить на каких-то лесных пушистых зверей столько же сил, как на вас – на людей и поступил проще.

- Как проще? – продолжал удивляться я.

- Гораздо проще. Для нас – он не стал создавать новые души для каждого вновь рождающегося барсучка. Это было бы расточительством. Кроме того, в лесах Небесной обители просто бы не хватило для всех душ места – ведь умирает барсучков лишь немного меньше, чем рождается. И Создатель разрешил нам рождаться вновь. Лишь для тех, кто рождается первый раз – Создатель дает новую душу. Ведь количество барсуков все время увеличивается. Кроме того сколько сил экономится на обучении родившихся барсучков. Ведь им достаточно лишь вспомнить, то что они знали в предыдущей жизни – и эти навыки снова можно использовать!

- Здорово, - сказал я, - но как же у вас - в барсуковых головах - не возникает каши из воспоминаний. Как быть если ты помнишь и свою прошлую, и позапрошлую, и поза-поза-прошлую жизнь? Все воспоминания бы спутались и ты бы не знал какой ты на самом деле.

Барсук улыбнулся:

- Все устроено достаточно просто и разумно. Маленькие барсучки еще помнят, кем они были в предыдущий раз. Они радуются, что вновь родились и видят то, что им было так

дорого – и лес и болото, и яблоки. Но перед тем как они смогут говорить, все воспоминания уходят глубоко, как будто в туман над болотцем, и не мешают теперешней жизни. И каждый барсук точно знает какой именно он барсук. Но прошлые воспоминания могут проявляться по мере необходимости, ровно как и умения. Скажем, в той истории с яблоками – молодой барсучок просто вспомнил, как у него получалось собирать яблоки раньше, и в этой жизни у него тут же все получилось.

- Как ловко у вас все устроено – восхитился я. – Но как ты встретишься со своим другом – старым Барсуком?

- Здесь нет ничего сложного – ответил Барсук. – Друзья вновь и вновь рождаются рядом, и встречаются друг с другом, правда, иногда меняясь ролями – кто старший, а кто младший – в зависимости от того, чтобы им хотелось, и какие дела их отличали при жизни. В нашем барсуковом круговороте жизней нет ожидания наказания или вознаграждения за свои дела. Создатель просто ставит нас при следующем рождении в такое положение, чтобы мы могли осознать и исправить прошлые ошибки.

- А есть те, кто не может их исправить? – ехидно поинтересовался я.

- Конечно, есть. Мы – барсуки – вовсе не идеальные создания. Те кто не может исправить свои ошибки попадает все в более и более сложные условия при каждой следующей жизни, пока Создатель, наконец, не создаст такую ситуацию, когда даже самый упрямый, самонадеянный, гордый или глупый барсук, вдруг прозревает и начинает понимать, в чем корень его бед и страданий.

- То есть, у вас нет барсучьего Рая или барсучьего Ада? – удивился я.

- Конечно, нет. Создатель устроил для нас все гораздо проще, чем для вас – людей. Мы проходим страдания вашего Ада или наслаждения Рая просто при следующем рождении. Причем, никто не может разделить Ад и Рай, и барсук может получать страдания и награждения одновременно в той или иной степени.

- Звучит все очень интересно и разумно, но как то все это очень непривычно и необычно.

- Я согласен с тобой, не все в лесу разделяют наши взгляды и не все могут родиться заново. Те же трудяги-ежики до сих пор уверены, что чем больше они будут трудиться и страдать при жизни, тем большая награда ждет их в Небесной обители. Они говорят, что давным-давно к ним пришел еж-прорицатель из другого леса и рассказал им как следует жить.

- И что же они поверили ему?

- Конечно, поверили. Посмотри, как они усердно трудятся, воруя яблоки из чужого сада, вместо того, чтобы растить свой собственный. Люди их ловят и убивают, всю жизнь они проводят в своей колючей шубе, но так ничего и не понимают. И, кстати, они до сих пор поклоняются тому Ежу-прорицателю, относя к его памятнику, который они выгрызли из

сухой ветлы десятую часть своих яблок, где они просто гнивают. Вот так вот. Не каждому звериному роду дано счастье понять суть своей жизни.

- Да уж – сказал я – как легко и хорошо у вас у барсуков. Мы люди бьемся над осознанием смысла жизни, о философии смерти, а у вас – простых лесных барсуков, оказывается, все уже решено? Мы, люди, проводим две трети своей жизни в страхе смерти – треть после рождения и треть перед самой смертью. А вы барсуки – судя по всему, ее не боитесь. Да и действительно, чего ее бояться, если ты помнишь и знаешь, что родишься вновь.

- Да, это так, но единственное чего мы боимся – так это того, чтобы прожить свою жизнь хуже, чем в прошлый раз, совершая дурные поступки, или создавая меньше добра, чем в прошлый раз. Тогда мы рискуем разлучиться со своими друзьями и испытать другие лишения. А друзья для настоящего барсука – это очень важно.

- Как это здорово! – Вздыхнул я. – Ты точно знаешь, что увидишь своего друга вновь. Потому, тебе нечего печалиться. Вот бы и у нас людей – так...

Барсук печально закивал головой. Что же, его можно было понять - даже небольшое расставание с друзьями еще никого не радовало.

Я прикрыл рукой свет от керосиновой лампы, и взглянул на небо. Там среди мерцающих звезд, мне показалось, что я увидел блестящие глазки и черные носики барсуков, которые стремятся родиться вновь, чтобы любить своих детенышей, дружить с друзьями, собирать яблоки и рассказывать, по мере возможностей, людям свои барсуковые истории.

Волшебный звук

Я сидел на веранде. Стояла поздняя весна, уже почти лето - хотя, как вы понимаете, разница в поздней весне и раннем лете весьма условна, если вам не надо ходить в класс на скучные уроки, вне зависимости от того ученик вы или учитель.

Свежая зелень и теплые вечера, однако радовали не только меня, но противно звенящих в воздухе moskitov. Пока донесешь руку с чашечкой кофе до рта, один или два кровососа уже постараются просунуть свои хоботки сквозь хлопковые волокна к моей коже, где течет свежий железисто-кислородный коктейль, столь необходимый для продолжения рода этих ненасытных тварей.

- Неужели ты не можешь попросить их улететь? - знакомый голос прохрюкал откуда-то снизу.

На потемневших досках веранды усиленно делая вид, случайно проходившего мимо зверя, расположился Барсук.

- Попроси комаров улететь, - повторил Барсук, - в лесу вполне достаточно лосей, которые

прокормят весь их род. И, кстати, с добрым утром... Надеюсь у тебя гватемальский кофе? - Он словно невзначай кивнул в сторону кофейника.

- Да, да - гватемальский - Я поставил свою чашку на столик, и потянулся за кофейником, чтобы налить лесному зверю его любимого напитка.

- Тебе с сахаром? И, кстати - я решил немного передразнить своего серого лесного приятеля, - и тебе доброго утра.

Когда Барсук устроился рядом в большом круглом плетеном кресле со своей чашкой, комары снова напомнили о себе противным звенящим зудом. Видимо во всем был виноват новый пруд с нимфеями, что я устроил в прошлом году около дома. В теплой стоячей воде было раздолье для личинок кровососов. И тут я вспомнил про слова Барсука:

- Так что ты там говорил про комаров? Попросить их уйти? Как? Ты думаешь, они меня поймут? - Я пожал плечами. - А если и поймут, то почему они должны меня слушаться?

- Ты слишком много думаешь за комаров. - Ответил Барсук. - Твое дело сказать им, чтобы они уходили, а как они выполнят твою просьбу - разве тебя это волнует? Ты же не спрашиваешь у огня, как он собирается кипятить воду для кофе? - Барсук хрюкнул, видимо, улыбнувшись своей собственной шутке.

- Хорошо, - сказал я, - Я попробую. Комары - улетайте отсюда. - И я сделал витиеватый жест рукой, словно хотел смести всех mosquitos в одну кучу и вымести их невидимой метлой как минимум за пределы веранды.

Комары по прежнему звенели в воздухе, а Барсук тихонько хрюкал, прикрывшись чашечкой с кофе.

- Что? - Я недовольно нахмурил брови. - Сам бы попробовал. Комарам хочется кушать, а я для них тоже, что клубника в кленовом сиропе или печеные яблоки с корицей для тебя.

Барсук хрюкнул уже гораздо громче, и как мне показалось только потому, что представил себе свои любимые блюда. Потом он прокашлялся, и издал какой-то странный звук. Это было уже не хрюканье, определенно не хрюканье, но и не свист, как могло бы показаться, человеку не знакомому с барсуками. Это был какой-то звук посередине. Воспроизвести его было совсем нереально.

Я удивленно смотрел на Барсука, а тот как ни в чем не бывало, осторожно потягивал чудесный напиток, отдающий запахом коры какого-то южного дерева.

Протянув руку за своей чашкой, я неожиданно понял, что звенящий комариный зуд перестал быть слышен. Я оглянулся по сторонам: иногда пролетали мухи, гудели шмели, порхали бабочки, но комаров, с их противным писком, видно не было.

- Как ты это сделал? - уставился я на Барсука. - Ты приказал им улететь? На комарином языке? И они тебя послушались?

Барсук, довольный тем, что его маленький спектакль удался на славу, и я пришел в замешательство, легонько кивнул:

- Только это был не комариный язык...

- Вот этот твой... свист? А чей же это язык? - переспросил я.

- Это язык природы, - ответил Барсук. - А этот звук - это мой волшебный звук. Разве у тебя такого нет? - он хитро улыбнулся, так что полоски на его мордочке съехались в гармошку, потому что он прекрасно знал ответ на свой вопрос.

- И как ты..., как комары понимают твой волшебный звук? - поинтересовался я.

- Они... Они не понимают. Им и не надо его понимать. Это вообще не для них звук. Комары - лишь следствие.

- Как это следствие? - Удивился я. - А где же причина?

- Причина? Настоящая причина - это лесная барсучина! - и он залиvisto расхохотался, откровенно радуясь неожиданной смешной рифме. - Нет, нет, конечно, дело не во мне. Все дело в этом звуке. Это мой собственный волшебный звук. Когда мне нужно добиться того, чего я не могу сделать своими лапами, не важно задними или передними, не могу объяснить ни на барсучьем, ни на человеческом языках, мне на помощь приходит мой волшебный звук. Уверен, и у тебя есть такой же, - ты просто о нем не знаешь.

-Ты думаешь?- удивился я - Ничего подобного у меня никогда не происходило. И звуков таких я точно не знаю.

Я развел руками, чтобы показать Барсуку насколько велико мое непонимание того, о чем он говорит. Рукав моего тяжелого турецкого халата задел чашечку с остатками кофе и увлек ее за собой к краю столика. В одно мгновение чашка перевалилась через край и начала свое падение вниз.

И тут, неожиданно, я вспомнил, как в детстве я играл со своим любимым британским котом Эрвином. Это широкомордое ленивое создание умеренной пушистости и большой аморфности могло в одно мгновение преображаться в подобие серой молнии, выбрасывая когтистую лапу, чтобы поймать игрушку или исчезать, подобно неуловимой волне... И я могу поклясться, что я слышал звук, которым все это сопровождалось.

- Ш-ш-ш-и-х-х! - Не то просвистел, не то прошипел я, представляя, как кот Эрвин мелькает в пространстве. И тут я вспомнил о чашке. Она практически неподвижно висела в воздухе, наклонившись в сторону от стола, а содержимое в виде небольшой коричневой кляксы растекалось в воздухе, приближаясь к моим туфлям. Некоторое время я с удивлением любовался на эту сюрреалистическую картину, а потом подумал, что нехорошо будет, если мои сафьяновые туфли будут испачканы разлившимся кофе. Я аккуратно взял чашечку за ручку, как черпаком собрал ей коричневую кляксу обратно в чашку и поставил ее на столик.

- Ш-ш-ш-и-х-х! - мне так захотелось произнести это вновь. И я заметил, что какая то серая тень мелькнула где-то совсем рядом - в уголке моего правого глаза.

-Ш-ш-ш-и-х-х - я вскочил и закружился вокруг себя, на каблуках туфель. Фалды халата медленно приподнялись, свободные концы кушака разлетелись в стороны, как и руки, удерживать которые совсем не хотелось. Мимо меня проплывала стена дома, покрытая лиственничной дранкой, столбы веранды, лес вдалеке, и полосатый нос Барсука

поблизости.

А мне хотелось кружиться все больше и больше. Когда я обернулся вокруг себя еще раз, я заметил, что на перекладине веранды, совсем рядом с Барсуком, сидит мой старый серый друг Эрвин и, распушив цветок своей когтистой лапы, старательно вылизывает каждую подушечку, не обращая внимания на Барсука, который уже явно тянулся к нему, что бы почесать кота за ушком.

Я продолжал кружиться и старался совсем не думать о том, что Эрвин, конечно исчезнет, когда я остановлюсь, как он ушел однажды от нас тогда - в детстве, когда мне было десять, а Эрвину... Эрвину тогда уже было очень много лет.

История о том, почему у барсуков черные носы.

Если вы думаете, что у всех барсуков черные носы, то вы глубоко ошибаетесь. Совсем не все барсуки обладают этим поистине бесценным даром природы: черным носом. Черный нос очень важен для барсука. Только обладая черным носом, можно находить вкусные коренья, ловить насекомых и предсказывать будущее: например какая погода будет завтра и будет ли полным урожай зеленых яблок, растущих в лесу.

Когда маленькие барсучки рождаются в уютных норках, выстланных ароматными кленовыми листьями носы их еще совсем не черные. Они могут быть коричневыми, могут быть розовыми, а могут быть и совсем-совсем белыми. А куда же пойдешь с белым носом? В приличном лесном обществе уж точно не покажешься: тебя любая белка поднимет на смех. А как собирать грибы, если твой нос светиться в темноте и даже самая безалаберная сыроежка успеет спрятаться под палым листочком, прежде чем ты ее увидишь. С белым носом барсуку совсем не жизнь.

Поэтому мама-барсук, папа-барсук и другие барсуки всегда учат маленького барсучонка, как правильно чернить свой нос, обучаясь рыть норки, разыскивая вкусные корешки или возясь с аппетитными жучками. Чем глубже барсучок проникает в барсуковую науку, тем больше темнеет его нос. Так, в обучении, проходят дни и ночи весны (а надо сказать, барсучки обычно рождаются по весне). И наступает лето. В летнюю ночь, когда соловей уже перестал выводить свои трели, и в лесу должен зацвести цветок папоротника, все окрестные барсуки собираются на праздник черного носа. Молодые барсуки, родившиеся минувшей весной, собираются у большого клюквенного болота. Большой старый барсук с самым черным носом из всех черных носов объявляет, об открытии праздника. Молодым барсукам нужно проявить смекалку и разрыть своим носом волшебные корешки мандрагоры, которые старый барсук - самый черный нос - старательно припрятал на болоте. При этом, нужно не провалиться в болотную жижу, иначе вместо черного носа можно получить черное брюшко. А брюшко у уважающего себя барсука всегда должно быть светлым. Так же, нужно не поспорить с Ужом, живущим на болоте, и не рассердить Гадюку, которая, конечно, не укусит барсука, но, уж точно, нашипит на него всласть.

Итак, по команде старого барсука молодые барсуки начинают искать на болоте корни мандрагоры. Надо сказать, что замысел соревнования очень прост: старый барсук разложил корешки по тем местам в болоте, где лежит волшебная черная грязь. Если барсук правильно обнаружит место, где припрятан корешок, то он непременно вывозит свой нос в этой грязи, потому что корешок придется разрывать, а, как известно, барсуки роются, прежде всего, своим носом. Если корешок будет обнаружен правильно, то и нос барсука непременно почернеет.

Большинство барсуков с честью обнаруживают корешки, и старый барсук посвящает молодого барсука в “Настоящие барсуки” с “Настоящим Черным носом”. Тем же, кому не удастся найти корешок до того, как раскроется цветок папоротника, или рассерженное шипение заставит барсука прыжками удирать с болота, предстоит еще год обучения барсуковому искусству.

Но, если вы думаете, что барсуковый нос всю жизнь остается черным, то вы сильно ошибаетесь. Если барсук слишком много роется в земле и забывает смотреть на закат и звезды, то волшебная черная грязь может быстро стереться с носа, и он станет коричневым. А даже самый последний кролик в лесу знает, на что похоже, когда нос у тебя коричневый. Еще бы - все очень хорошо знают про то, в чем надо копаться, чтобы твой нос стал коричневым. Тогда друзья барсуки или мама-барсук идут в лес за ягодами черники и, смешивая ее с волшебной болотной грязью, варят специальную черную краску, которой и красят нос барсука, пока тот спит. Проснувшись, барсук слышит вкус черники, которую он очень любит и начинает поднимать свой нос все выше и выше, приносясь, откуда же идет запах. Держа нос по ветру, барсук начинает, наконец, замечать и небо и солнце и звезды, и перестает только рыться в земле. Со временем, если он продолжает вести себя правильно, его нос окончательно приходит в порядок.

Барсук закончил рассказ и отхлебнул медового чая из блюдечка. После некоторой паузы, на протяжении которой, он, очевидно, оценивал чайный букет, Барсук спросил меня, знаю ли я о том, как барсуки собирают в лесу яблоки. Мне, признаться, всегда думалось, что заготовкой яблок занимаются только ежики, в чем я и немедленно признался Барсуку. Он посмотрел на меня поверх своих чудных белых полосок на носу немного с укоризной и начал свое повествование. А я с удовольствием принялся слушать его следующий рассказ.

История о том, как барсуки собирают зеленые яблоки.

Даже самым молодым скунсам на побережье известно, что, на самом деле, самые большие любители зеленых яблок вовсе не ежики. Ежики предпочитают собирать красные и желтые яблоки, которые растут в садах. Они напряженно трудятся, накалывая упавшие

яблоки на иголки и перетаскивая их себе в гнезда. К тому же работать им приходится только ночью, чтобы люди не видели, как они таскают у них из сада яблоки. От такой напряженной работы ежики чаще всего сильно устают и становятся раздражительными. Когда, иногда проходишь мимо такого трудового ежика, и случайно заденешь его, он сразу же сворачивается в клубок, растопыривает свои иголки и начинает сердито тарыхтеть, как старый трактор на ферме.

Барсукам никогда не нравилось таскать чужие яблоки. Не барсуковое это дело. И так - в лесу много прекрасных зеленых лесных яблок. Нужно только уметь их разглядеть.

В конце лета, барсуковые семейства и начинают заготавливать зеленые лесные яблоки. Мама-барсук варит из них яблочные компоты, яблочное варенье или просто складывает яблоки на зиму, тщательно заворачивая каждое яблоко в чистый и ароматный кленовый листок. Лежа в объятиях кленового одеяла, такое яблоко пропитывается тончайшим сладким вкусом кленового сиропа, образующегося в тепле из кленовых листьев.

Но, удивительное дело, (и я могу подтвердить это под присягой у судьи графства) никто и никогда не видел барсука, таскающего яблоки к себе в нору. Для молодого барсука это тоже всегда является неразрешимой загадкой: Папа-барсук яблок не таскает, Мама-барсук тоже с сетками не бегают, да и братья и сестры барсуки яблок не носят. Да и как бы они смогли их носить, если лапки у барсуков достаточно короткие, да и иголок на спинке нет. И самая большая загадка: как яблоки добываются с яблони, если они растут так высоко, что даже если все барсуковое семейство встанет друг на друга, то до них не дотянется! А те, яблоки, что уже упали, поедаются гусеницами, муравьями и улитками? И в дело совсем не годятся...

Но вот, в жизни каждого молодого барсучка наступает день, когда Мама-барсук, сдерживая улыбку, просит сына-барсука пойти за пасти для семьи немного яблок на зиму. Маленький барсук начинает в недоумении озираться по сторонам, но все барсуковое семейство делает вид, что не понимает в чем сложность задания, и подбадривают молодого барсучка: мол, все уже яблоки собирали, теперь и твоя барсуковая очередь наступила.

Маленький барсуковый нос с двумя белыми полосками на мордочке осторожно высовывается из норки. Он задирает нос повыше и старательно принюхивается: с какой стороны тянет яблочным ароматом. Ага, вот запах и найден. Радостный барсук бодрой рысью бежит по волне запаха и находит... конечно же - он находит нору с яблочными запасами у соседней барсуковой семьи. Ага, ошибочка вышла, но чужого настоящий барсук никогда не берет. Приходится вновь настоуживать свой нюх и искать сладкую волну яблочную запаха. Но, для этого уже приходится побегать по округе: ведь, сидя в норе и бегая по соседям не найдешь свою яблоню.

Поймав еще уловимый чуть кислостый запах лесных яблок (а он отличается от запаха яблок полежавших в норе и пропитавшихся сладким кленовым сиропом), барсучок нашел, наконец, яблоню. Но яблоня эта, с которой еще никто и ни разу не собирал яблоки, находилась на другом берегу студеного ручья. Барсучок несколько раз усердно разбежался, чтобы перепрыгнуть его, но каждый раз останавливался, боясь, что не

перепрыгнет русло. Действительно – как можно прыгнуть на такое огромное расстояние, если лапы у тебя такие короткие?

Так и не решившись прыгать, барсучок побежал вниз по течению до самой бобровой плотины. Там он, спросив разрешения у бобров, благополучно преодолел водное препятствие. Вот и яблоня. Но, как же теперь достать яблоки? Они висели высоко на ветках, и сколько барсучок не прыгал или не вставал на задние лапки - он не мог до них дотянуться. Барсучок даже пытался раскачивать яблоню, уперевшись в ствол дерева своими передними лапками. Но ствол был слишком толст для маленьких барсуковых лапок. После ряда неудачных попыток, барсучку уже ничего не оставалось, как взять несколько палых яблок с земли и отправиться домой.

Уже стемнело, и по дороге барсучок встретил несколько ежей, деловито таскавших желтые и красные яблоки из чужого сада. Ежики презрительно фыркали, завидев молодого барсука с яблоками в зубах. “Уж не отросли ли у тебя колючки?” - ехидничали ежики, посмеиваясь над молодым и неопытным барсучком.

Маленький расстроенный барсук пришел домой и показал маме-барсуку несколько пожухлых подпорченных червями яблок. Мама-барсук погладила барсучка по голове и сказала, что у всех молодых барсучков не сразу получалось собирать яблоки в лесу. Но каждый молодой барсучок должен сам попробовать собрать свои первые яблоки. Потому что никто не должен помогать барсучку собирать самые первые яблоки в своей жизни. После того, как у него не получилось собрать яблоки самому, барсучок должен сесть и подумать, как же можно собирать яблоки с высоких веток, даже если у него такие короткие лапки. Но, при этом барсук должен помнить, что у его родителей всегда полные кладовки яблок, но никто в лесу никогда не видел, как же они таскают яблоки!

Молодой барсук ушел к себе в норку, улегся на ароматную подстилку из кленовых листьев и закопался в нее, припорошив себя листьями сверху, чтобы почувствовать себя уютнее. Сложная загадка не давала покоя барсучку: как же так барсуки собирают яблоки, не трудясь, как ежики? Размышляя об различных способах сбора яблок, он представлял себе волшебных и невидимых барсуков, летающих на самых прозрачных в мире крыльях как пчелы, и собирающих яблочный урожай. Представляя себе летающих барсуков, он скоро закрыл глаза и уснул сладким барсуковым сном.

Утром, позавтракав сладкими корешками, барсучок вновь направился к яблоне. Быстро переставляя свои короткие лапки, он вскоре оказался на берегу студеного ручья. Тут ему вспомнились невидимые летающие барсуки на прозрачных крыльях. Он представил, что и у него есть такие же волшебные крылья. Не разбегаясь, маленький барсучок как следует оттолкнулся от земли своими лапками и ... плюх.. оказался, нет не в студеном ручье – а в мягкой куче листьев на другом берегу! Он перепрыгнул через русло такой ширины, что вчера даже и не думал перепрыгнуть с разбегу. Наверно, это невидимые барсуки помогли ему, подумал барсучок. “Спасибо вам, Невидимые барсуки!” – сказал он вслух, ибо был воспитанным лесным зверем, и знал, что тех кто тебе помог всегда следует благодарить, тем более, что ты знаешь, что они вовсе не обязаны тебе помогать. Радостно – на кончиках лапок – барсучок посеменял к яблочному дереву.

Но, добравшись до яблони, барсук с огорчением понял, что летать он все-таки не научился и все равно не может допрыгнуть до заветных яблок. Да и, даже если бы он и допрыгнул, то - как бы он дотащил до родительской норы все эти яблоки? Ведь, в своей пусть и достаточно большой пасти он мог бы перетащить всего несколько яблок. Чтобы перенести все яблоки со своей яблони, ему бы пришлось таскать яблоки до осени, или, даже до самой зимы, не занимаясь больше ничем другим. А ведь в жизни барсуков еще столько важных и приятных дел! Расстроившись, барсук вновь направился домой. Он даже не решился прыгать вновь через ручей, а пошел по бобровой плотине. Встречавшиеся ему по пути ежики ехидно фыркали ему вслед.

Придя домой, барсук уткнулся своим начавшим светлеть носом в живот маме-барсуку и спросил у нее, как же другие барсуки умудряются собирать яблоки? Мама-барсук погладила сына по голове и сказала, что для того чтобы добиваться результата, не обязательно тяжело работать, бегая за студеным ручей и таская яблоки в зубах. Она сказала, что главная ошибка маленького барсука в том, что он сконцентрировался на том, КАК собрать яблоки с яблони, а не просто на том, что яблоки должны попасть в барсуковую норку...

Маленький барсук страшно удивился: как же так, разве совсем не важно, как яблоки попадут в нору? Кто же будет снимать их с дерева, и переносить в нору? Но мама-барсук спросила барсучка, действительно ли его главным образом волнует не конечный результат – запас яблок в норе, то каким образом они туда попадут? “Думая лишь об одном конкретном пути, ты исключаешь все другие”, – сказала ему мама-барсук. Главное для достижения результата - это четко представлять конечную цель и сильно желать, чтобы все случилось так, как ты хочешь. Когда барсуки варят волшебную черничную краску, разве они представляют, как языки огня разгоняют молекулы металла большого чугунного котла, а те в свою очередь толкают молекулы черничного сока? Нет, варя черничную краску, барсук просто ожидает, как через некоторое время краска будет готова. Так и ты, маленький барсучок, - сказала она сыну - просто должен желать, чтобы яблоки появились у нас в норе.

Мама-барсук погладила барсучка по голове и отправила его спать. “Иди, спи, барсучок, и хорошенько пожелай, чтобы яблоки завтра были собраны” – сказала она ему на ночь. Барсучок старательно зарылся в кленовые листочки, прикрыл лапкой свой пока еще черный нос и старательно заснул, думая о том, что яблоки непременно должны появиться в норе.

На следующее утро барсучок проснулся оттого, что что-то холодное и твердое стукнуло его по носу. Он открыл один глаз и осторожно глянул на кончик своего носа. Около его густо, просто иссиня-черного носа лежало самое настоящее зеленое яблоко! Наверно, это мама-барсук решила меня подбодрить и принесла мне это яблоко – подумал барсучок. Он открыл второй глаз и тут он увидел второе яблоко, которое скатывалось по наклонному ходу норы прямо на него.

“Мама – крикнул барсук, - я уже проснулся – перестань кидать мне яблоки! Спасибо, что ты хочешь поддержать меня, но мне кажется, что я уже понял, как собирать яблоки с

яблони! Я, конечно, еще не совсем в этом уверен, но я попробую! Мне все уже приснилось!”

Однако, ответа от мамы не последовало. Барсучок поднялся со своей листочной перины и выкарабкался из своей спальни на поверхность земли, где была небольшая песочная лежанка для принятия солнечных ванн, около самого входа в нору. Выбравшись на поверхность, он сразу же услышал сердитое фырканье ежей. Барсучок посмотрел вниз на основание холмика, где была устроена его норка, то что он увидел так поразило его, что он с размаху присел на свой короткий пушистый хвост, подняв облачко песчаной пыли.

Негодующие ежики стояли шеренгой справа от холма и фыркали на довольных барсуков, снующих по склону холма. “У него получилось!” – слышал барсучок от своих друзей и родственников. “У него настоящий черный нос!” – с гордостью повторяли его старшие братья и сестры - барсучки. Мама же барсук и папа-барсук с довольными мордочками сидели неподалеку и смотрели на своего младшего сына. Что же так порадовало всех барсуков и рассердило трудяг-ежиков? Тут очередное яблоко толкнуло барсучка в бок. Потом еще одно и еще одно. Барсучок отступил в сторону и увидел, что целая колонна отборных свежих зеленых яблок сосредоточенно катилась вверх по холму, приминая на пути травку, прямо к норе барсучка. Достигнув входа в нору, яблоки старательно закатывались в кладовку и сами зарывались в кленовых листочках. Ежики пытались понять, как же это яблоки могут сами катиться да еще вверх, но у них ничего не выходило. Они злились, пытались лапами задержать яблоки или наколоть их на свои иголки. Но, яблоки старательно уворачивались от ежей и продолжали свой путь к цели. Через пару часов вся барсуковая кладовка была заполнена отборными зелеными яблоками, и довольные барсуки сели пить чай. Ежики же вдруг, словно забыли, все, что только что видели, и пошли сосредоточенно трудиться в чужой сад.

Синтия

Синтия была соседской полосатой кошкой. У нее была самая обычная усатая мордочка, полосатые лапы с белыми башмачками, белая грудка и хвост с восемью полосками. Она жила в доме у моей пожилой соседки миссис Джэмисон. Соседство наше было весьма относительно, точнее было бы сказать, что ее дом располагался ближе других по другую сторону холма, на дороге к ближайшему городку. Миссис Джэмисон была одинока. Муж ее, служивший когда-то в муниципальной полиции, давно умер, а сын ее уехал в Лос-Анджелес, где, как говорили, стал неплохим художником, во всяком случае, полотна его попали и в музей Соломона Гугенхайма в Нью-Йорке и, даже, попадались иногда в галереях в Кармэле. Но, как это часто бывает, жизнь художника полностью захватила сына миссис Джэмисон, и, не смотря на то, что наши края лежат не так уж и далеко на север от города Ангелов, видались они очень редко. Синтия была еще маленьким котенком, когда сын Миссис Джэмисон проводила сына из дома окончательно, таким образом, на тот момент, о котором я веду речь, кошке уже было никак не меньше

двадцати лет, что достаточно много. Во всяком случае, моему коту Эрвину, когда он ушел от нас, было около пятнадцати лет.

Синтия росла, радуя супругов Джэмисон, а потом и скрашивая дни вдовы Джэмисон. Сын приезжал домой изредка, в основном, чтобы познакомить сначала со своей женой, потом - через несколько лет - с детьми, а потом - когда его жена также скончалась от болезни сердца, каждые два-три года сын привозил на знакомство очередную молодую пассию. Ходили слухи, что с одной он умудрился завести еще несколько детей, но потом их отдали в приют при монастыре, потому что сам художник начал неудержимо пить, и воспитывать их дома не было никакой возможности.

Наблюдая как жизнь сына медленно, но верно летит под откос, миссис Джэмисон старела все быстрее и быстрее. Лицо ее некогда свежее и яркое, постепенно тускнело и сморщивалось до такой степени, что со временем стало напоминать печеное яблоко, хотя ей было всего-то немногим больше шестидесяти.

Раз в неделю, когда я ездил на своем траке в супермаркет в наш городок, я навещал миссис Джэмисон, чтобы выслушать пересказ письма от ее сына, или, что бывало гораздо чаще, когда письма от сына не было, просто покивать головой в так ее сетованиям. В каждый свой визит я обязательно захватывал несколько хороших кошачьих консервов для Синтии. Миссис Джэмисон даровала мне привилегию самому выкладывать корм для кошки в ее плошку. У Синтии таким образом уже выработался условный положительный рефлекс на урчание двигателя моего трака, как у русской собаки Ивана Павлова. Когда я только подъезжал к дому миссис Джэмисон, кошка выбегала на патио перед домом, вытянув хвост трубой и громко мяуча. Я тряс консервой над головой, и Синтия подбегал ко мне, терлась спиной о ноги, а потом, играя, нападала на ту ногу, которая при шаге оказывалась впереди. Так, с кошкой, практически висящей на ноге, я и входил в дом.

После того, как Синтия уплетала первую консерву, она подходила к дивану, где мы с Миссис Джэмисон пили чай, и, мурча, запрыгивала мне на колени. Там она устраивалась спиной ко мне и начинала массировать мои колени своими передними лапами. При этом, она выпускала свои острые коготки и весьма чувствительно запускала их в мое тело. Спихнуть Синтию с колен я не мог, потому что, во-первых, кошка была достаточно пожилая, и крепость ее костей, как у врача, вызывала у меня сомнения. А во-вторых, я не хотел обидеть миссис Джэмисон непочтительным обращением с ее лучшей подругой.

За долгие годы одиночества Синтия стала основной собеседницей и конфиденткой пожилой леди. Хотя кошка не говорила по-английски, для их бесед этого и не требовалось. Если настроение миссис Джэмисон было неважным, Синтия устраивалась рядом с ней, так чтобы старушка могла положить руку на ее голову. Синтия начинала мурчать под с такой силой, что мягкие вибрирующие волны входили в руку Миссис Джэмисон и, видимо, достигали ее мозга, вытесняя собой очаги тревожности, потому что нескольких минут хватало, чтобы изменить настроение пожилой леди самым кардинальным образом. Вечером, когда, бывало, бессонница пробовала одолеть своими протяжными и невеселыми мыслями, Синтия вспрыгивала на кровать миссис Джэмисон, и вытягивалась на постели рядом. Она так уютно устраивала свою

усатую мордочку на лапках, так расслабленно вытягивала задние лапы и хвост, что сон начинал наполнять пожилую леди, лишь стоило ей взглянуть на свою кошку. Какие могут быть тревоги и волнения, когда рядом с тобой находится живое воплощения сущности расслабления и покоя. Кроме того, видимо Синтия умела испускать и сонные флюиды, в чем я лично сам имел возможность убедиться, когда засыпал в кресле в гостях у миссис Джэмисон, когда рядом безмятежно дремала Синтия.

Миссис Джэмисон рассказывала мне, что неоднократно Синтия приходила к ней во сне, точно так же как это было бы наяву. Когда я спрашивал Миссис Джэмисон в чем же состояло различие между дневным реальным миром и миром сновидения, старушка говорила, что, в общем-то, никакой разницы нет, за исключением того, что во сне никогда не увидишь ни солнца, ни луны, ни других источников света. Свет во сне рассеянный, как будто он исходит одновременно со всех сторон, из-за чего во сне никогда не увидишь теней.

Я читал, что в древнем Египте кошки почитались за священных животных - почти божественных, видимо из-за того, что считалось, что кошки проводят большую часть жизни во сне, путешествуя в Царство Мертвых. И действительно, Синтия, по словам миссис Джэмисон, спала никак не меньше двадцати часов в сутки. Кто знает, где она бродила все это время?

Миссис Джэмисон умерла по весне, когда окрестные поля уже всю зеленели. Сын узнал о смерти матери слишком поздно, чтобы успеть на похороны. Похоронили ее на кладбище подле часовни в нашем ближайшем городке. Кроме священника, провожали ее несколько соседей из окрестных домов, одна вдова сослуживца ее мужа, я и Синтия.

После того как на могилу был уложен последний пласт дерна, положен могильный камень, возложены цветы и все разошлись, я забрал Синтию с собой. Я привез кошку домой к Миссис Джэмисон, положил ей в плошку любимую консерву и наполнил чашку свежей водой. Синтия даже не взглянула на любимый корм, а забралась на привычное место на кровать, подобрала лапами под себя старую шаль Миссис Джэмисон и крепко зажмурила глаза.

На следующий день, когда я заехал, чтобы положить кошке корм, Синтия сидела в той же позе на том же месте. Я поменял засохший корм на свежий и плеснул ей в чашку свежей воды.

На следующий день приехал сын-художник и я отдал ему ключи от материнского дома. Также я показал ему, где лежит корм для кошки. Однако, кошка, судя по всему, игнорировала еду. Только из чашки немного убавилось воды. Или, может быть, вода просто испарилась?

Через день художник пришел и поинтересовался, не видел ли я Синтии. По его словам, утром кошки не было на привычном месте, да и вообще в доме. Мы обошли вместе мой дом и сад, но сделал я это лишь для того, чтобы успокоить художника - до нашего дома от усадьбы Джэмисонов было не менее трех миль. Вряд ли кошка проделала такой большой путь, да и зачем ей это.

Художник собрался уезжать через неделю. Перед отъездом он заехал ко мне попрощаться. Мы молча пожали друг другу руки, и художник отправился по дорожке к своему внедорожнику.

- Послушайте, - окликнул я его, когда он уже почти подошел к воротам, - а как же Синтия? Она так и не появилась?

Художник обернулся, перемялся с ноги на ногу, и зашагал обратно к моему дому.

- Синтия... Да, она вернулась. - Он помолчал немного. - Я нашел ее на могиле матери. Она лежала, свернувшись клубочком, на камне. Видно, она совсем по ней соскучилась.

- Так вы забрали ее с собой? - поинтересовался я. - Она поедет с вами? - Я сделал шаг вперед, чтобы пойти погладить Синтию на прощание.

Художник перехватил мою руку. - Не надо. Ее нет в машине. Я похоронил ее в саду за домом. Когда я нашел ее, она уже не дышала. Служитель сказал, что она провела на могиле пять последних дней. В одной позе. Никто ее не трогал, так что даже невозможно сказать, когда именно она умерла.

Он сжал мое предплечье, повернулся и зашагал обратно к воротам.

А я стоял и думал, что миссис Джэмисон, вероятно, очень довольна, что ее лучшая подруга не оставила ее одну, больше, чем на несколько дней... если они вообще расставались.